

40-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877—1878 гг.

В период завершения покорения Кавказа в кавказской армии, как и во всех регионах России, началось переформирование частей и соединений. В августе 1863 года 48 резервных полков, образованных в апреле из 4-х резервных батальонов и бессрочноотпускных 5-х и 6-х батальонов действующих полков, переименовали в действующие, сменив одновременно названия. Новые 48 полков образовали пехотные дивизии по нумерации с 23 по 34. В октябре для формирования 35, 36, 37 пехотных дивизий были образованы 12 новых пехотных полков. Еще 12 полков (38, 39, 40 дивизии) сформировали в ноябре 1863 года. Представляет интерес 40-я пехотная дивизия, так как она на протяжении 26 лет дислоцировалась на территории города Саратов и Саратовской губернии. Дивизия была сформирована на Кавказе 6 ноября 1863 года. Формировал дивизию генерал-лейтенант Зотов Павел Дмитриевич, помощник командующего войсками Кубанской области.

В состав дивизии входили следующие полки:

157-й пехотный Имеретский полк — сформирован на Кавказе 6 ноября 1863 года в составе 3-х батальонов и 3-х стрелковых рот из 5-го резервного батальона Тенгизского полка с добавлением нижних чинов из батальонов внутренней стражи и рекрут. 25 марта 1864 года полку присвоен № 157¹.

158-й пехотный Кутаисский полк сформирован, согласно приказа военного министра от 6 ноября 1863 года, из 5-го резервного батальона Навагинского пехотного полка. 25 марта 1864 года ему присвоен № 158².

159-й пехотный Гурийский полк. 14 июня 1841 года из рот выделенных по одной из Казанского, Белевского, Тарутинского и Бородинского егерских полков был сформирован 6-й резервный батальон Куринаго мушкетерского полка (сформирован 29. 12. 1802г.). 13 октября 1863 года ему присвоено наименование 5-го резервного батальона того же полка. 6 ноября 1863 года развернут в 3-х батальонный Гурийский пехотный полк. 25 марта 1864 года Гурийскому полку присвоен № 159³.

160-й пехотный Абхазский полк сформирован на Кавказе 6 ноября 1863 года из 5-го резервного батальона 80-го пехотного Кабардинского полка, с добавлением нижних чинов из батальонов внутренней стражи и рекрут. В 1864 году ему присвоен № 160⁴.

Необходимо отметить, что с 25 марта 1864 года в наименования полков впервые были введены порядковые номера.

Уже через полгода после формирования дивизии ее полки приняли участие в экспедициях против горцев. По окончании (1864 год) покорения Кавказа, полки дивизии оставались там до 1866 года, принимая участие в прокладывании дорог, постройке мостов, вырубке лесов, одновременно находясь в полной боевой готовности для отражения набегов отдельных групп горцев на мирных жителей.

В 1866 году 40-я пехотная дивизия была передана в Казанский военный округ и передислоцирована в Саратовскую губернию. Полки дивизии были расквартированы: в гор. Саратов — 157-й Имеретинский и 158-й Кутаисский пехотные полки, в Балашове — 159-й Гурийский полк, а в Царицыне — 160-й Абхазский полк. Командовал дивизией к тому времени генерал-лейтенант Шатилов Павел Николаевич. Надо отметить, что формирование и дальнейшая мирная жизнь 40-й дивизии проходила в обстановке государственных реформ, которые позволяли сделать шаг вперед не только в земской, городской, судебной областях, но и военной. В первую очередь, военное руководство посчитало возможным сократить сроки службы: 8 сентября 1858 года все вновь принимаемые рекруты должны были служить 15 лет, причем право на бессрочный отпуск можно было получить после 12 лет службы.

Во-вторых, с 1863 года в рекруты стали принимать лишь людей не старше 30 лет (с 1864 года — не моложе 21 года).

Появление нового дальнобойного и скорострельного оружия существенно повлияло на развитие тактики пехоты и стало определяющим фактором для выработки новых требований к подготовке бойца. Вместо прежнего, доведенного до совершенства механического однообразия действий в строю на первый план встала подготовка каждого конкретного бойца к индивидуальному ведению боя⁵.

Это была одна из главных задач, начатой под руководством Военного министра генерал-адъютанта Милютина, военной реформы. Эти нововведения начались сразу после окончания Крымской кампании.

Появление все более сложных стрелковых систем, использование специальных таблиц стрельбы на различные дистанции требовало от солдата знаний элементарной арифметики и минимального образования, которое в России находилось на очень низком уровне. Для исправления ситуации частным порядком при полках создавались специальные школы по обучению нижних чинов. Для увеличения количества грамотных солдат, уже официально, в 1858 году приказом Военного министра предусматривалось на каждом ротном и эскадронном дворе всех частей войск устроить школы. Согласно утвержденного в 1859 году положению, унтер-офицерский чин присваивался только грамотным рядовым, окончившим курс при полковой школе.

¹ См.: Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 10. С. 59.

² См.: Там же. Т. 14. С. 429.

³ См.: Там же. Т. 9. С. 541.

⁴ См.: Там же. Т. 1. С. 43.

⁵ См.: *Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота 1855—1918 г. М., 1998. С. 15.

Рост уровня грамотности нижних чинов скоро сказался и на их общем развитии. Если в середине века самым популярными в солдатской среде были сказки (например, о «сильном и храбром портупей прапорщике и о красавице цыганке»), то в 70-х годах их место уже заняли специальные журналы «Чтение для солдат» и «Солдатская беседа». Солдатам городских гарнизонов, в частности гор. Саратова, разрешалось посещать театры (но при этом запрещалось ходить в публичные читальни).

С введением в 1874 году всеобщей воинской повинности и последовавшим за этим сокращением срока обязательной службы до 7 лет были приняты изменения и в образовательных программах для солдат, что отразилось в новом (1875 года) «Положении об обучении нижних чинов в ротах и эскадронах грамоте и служебным обязанностям рядового».

Согласно положению, срок обязательного обучения грамотности новобранцев был рассчитан на 1 год. Занятия проводились в специальных ротных школах. Там молодые солдаты обучались чтению, письму и арифметике, кроме того, солдат обязан был знать молитву Господню, «Символ Веры» и десять заповедей, предназначение солдата и присягу, а также в каком отделении, роте, батальоне, полку, бригаде, дивизии, корпусе и округе он служит, в чем состоит воинская дисциплина, обязанности часового, патрульного и конвойного, источники своего содержания (денежного, вещевого и провиантского).

Переход к практике огневого боя с широким применением стрелковых цепей, вытеснившей господствовавшую до этого тактику штыкового удара сомкнутых линий и колонн, заставила по-другому взглянуть на огневую подготовку солдата. Основное внимание стало уделяться прицельной стрельбе по мишеням и умелому обращению с личным оружием.

Для качественного обучения солдат стрелковому делу в помощь офицерам в 1860 году были изданы «Наставления для стрелкового образования пехоты и других войск» с подробным толкованием ранее выходивших наставлений. В 1879 году для отличных стрелков был введен особый знак «За отличную стрельбу» в виде мишени с перекрещенными винтовками, носился на правой стороне груди.

Всеобщая армейская реформа внесла значительные изменения в пехотные строевые уставы. В 1860 году для всей армии был утвержден двухшереножный порядок построения, который ранее предусматривался только для гвардии. Значительно изменилось боевое построение полка, батальона. В тактическом отношении на первое место выдвинулся строй батальона, а позднее и роты. Комиссия по военной реформе в 1867 году ввела новые уставы, регламентирующие проведение ротных и батальонных учений. С незначительными дополнениями эти уставы переиздавались в 1874 и 1875 годах, став основополагающими документами для обучения пехоты перед Русско-турецкой войной⁶.

Русско-турецкой войне предшествовала народно-освободительная борьба Черногории и Сербии с турецкими завоевателями.

Эта борьба славянских народов «нашла сердечный отклик в Саратовском обществе: В Сербию отправилось из Саратова не мало добровольцев, проходили сборы пожертвований для славян, при чем в этом приняли участие и некоторые селения губернии, многие чиновники отчисляли известный процент из своего жалования»⁷.

Задолго до манифеста о войне с Турцией, по железной дороге через Кузнецк, Ртищево и Аткарск непрерывно двигались войска. В Саратове, с января 1877 года, в военном клубе начальник штаба 40-й пехотной дивизии полковник П. П. Стрелковский начал чтение лекций о ходе развития восточного вопроса и о состоянии вооруженных сил Турции.

Солдат знакомили с историей славянских народов; так 20 февраля полковник С. А. Федоров читал соответствующую лекцию 1-му батальону Кутаисского полка.

По улицам Саратова местные полки совершали военные прогулки в сопровождении оркестров.

При Александровской земской больнице, по просьбе управления Красного креста, были открыты курсы для подготовки братьев милосердия.

Все с нетерпением ждали царского манифеста о войне с Турцией, который был всенародно объявлен 12 апреля 1877 года⁸.

В это время русские войска уже перешли турецкую границу. По этому поводу Военный министр генерал Милютин писал в своем дневнике: «12 апреля... Сегодня совершилось историческое событие: объявлена война Порте, и в прошлую ночь войска наши уже перешли границу как европейскую, так и азиатскую»⁹.

В Саратове Манифест от 12 апреля был напечатан в газете «Саратовский листок» 16 апреля и прочтен в церквях гор. Саратова и губернии.

Военные в Саратове ожидали мобилизации. 30 мая была получена телеграмма о подготовке к походу.

«Желание сразиться с турками — по словам автора «Хроники 157 Имеретинского пехотного полка», было так велико, что даже новобранцы просили не переводить их в запасные батальоны»¹⁰.

Автор другого сочинения «157 Кутаисский полк в войну 1877—1878 гг.» писал так: «Известие это предвещавшее в недалеком будущем желанный поход, было встречено с всеобщим восторгом. В ротах, швальнях, лазарете, повсюду закипела оживленная деятельность»¹¹.

Полки доукомплектовывались личным составом по штату военного времени. В начале июня начали прибывать запасные нижние чины из Вятской, Самарской и Саратовской губерний.

⁶ См.: *Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота 1855—1918 г. М., 1998. С. 18—19.

⁷ С.: *Хованский Н.* Саратов и война 1877—1878 гг. Саратов, СУАК. 1915. Вып. 32. С. 45.

⁸ Там же.

⁹ См.: Не смолкнет эхо под Балканами. Сборник. М., 1988. С. 39.

¹⁰ Хроника 157 пехотного Имеретинского полка за 1877—1878 гг. Саратов, 1887. С. 4

¹¹ *Семашкевич Е.Е.* 158 пехотный Кутаисский полк в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Саратов, 1883. С. 2—3

Поручик Кутаисского полка Семашкевич охарактеризовал их так: «Внешний вид запасных мало говорил в их пользу. Слабые, хилые, большинство люди пожилые, они выглядели плохими войками. Но что резче всего отличало их на первых порах от Кутаисцев — это фронтовая отсталость. Оно положим и не мудрено: с тех пор как они вышли в запас, много ушло вперед, многое совсем изменилось, так что им стоило больших трудов сравниться с кадрами. Однако к чести запасных, мы должны сказать, что они, мало помалу сроднившись с полком, сделались теми чудо богатырями, какими они показали себя потом, перед двукратным штурмом Хафиза и Карадага»¹².

Во второй половине июня 1-й эшелон, численностью около 800 человек, выступил из Саратова, а за ним следующие. Саратовское городское общество устроило офицерскому составу 40-й дивизии обед и нижним чинам угощение. На молебне, проведенном на городской площади, за несколько дней до выступления, — саратовский Преосвященный Тихон, от лица всего города, поднес начальнику дивизии, как представителю войск, икону Божией Матери¹³.

Согласно приказу, 40-я дивизия была направлена в Кавказскую армию, на подкрепление действующего корпуса генерала Лорис-Меликова блокирующего турецкую крепость Карс. Первый этап движения эшелонов по железной дороге был до Харькова, через Тамбов, Козлов, Грязи, Орел и Курск. Далее по Харьковско-Азовской железной дороге во Владикавказ. От Владикавказа до Мцхеты полки дивизии шли пешком по военно-грузинской дороге. От Мцхеты до станции Михайловской двигались по Поти-Тбилисской железной дороге, а оттуда до крепости Александрополь пешком, через Боржоми и Ахалкалаки, по только что проведенной между горами кратчайшей дороге. Весь этот поход до места назначения продолжался больше месяца¹⁴. Какова была общая картина боевых действий?

Надо сказать, что в плане русского командования Кавказскому театру войны отводилось второстепенное, вспомогательное значение. Русские войска, состоявшие из семи пехотных и двух кавалерийских дивизий, всего 110 тысяч человек, активными действиями против Карса, Эрзерума и Батуми должны были удерживать как можно больше турецких войск на Кавказе, не допустив их переброски на Балканский театр военных действий. Против русских войск действовало около 60 тысяч турецких ополченцев с небольшим ядром регулярных войск под командованием энергичного и инициативного генерала Мухтара-паши. Главкомандующим русскими войсками был назначен младший брат императора — Великий князь Михаил Николаевич. Фактически командовал генерал М. Т. Лорис-Меликов.

Наступление началось 12 апреля силами четырех отрядов: Кабулетского — около 5 тысяч человек, из района юго-западнее Кутаиси вдоль побережья на Батуми; Ахалкалакского — 9 тысяч человек и 24 орудия — от Ахалкалак на Ардаган; главные силы — 30 тысяч человек и 96 орудий из района Александрополя в направлении на Карс и Эрзерум; Эриванского — 11 тысяч человек и 32 орудия на Баязет и Эрзерум.

Овладев 4 мая крепостью Ардаган, главные силы русских войск осадили Карс и продвинулись частью сил к Эрзеруму, куда наступал после овладения Баязетом и Эриванский отряд, угрожая тылу турецких войск.

Мухтар-паша, оставив на карском направлении небольшой заслон на позиции у Зивина, направил главные силы против, углубившегося на 200 километров от границы, Эриванского отряда. Направленный на помощь последнему от Карса 17-ти тысячный отряд генерала Геймана, атаковавший 13 июня зивинскую позицию турок, был отброшен, потеряв около 900 человек. Под влиянием этой неудачи русское командование отвело войска на исходные позиции к границе. К 26 июня турецкая армия Мухтара-паши, медленно следовавшая за отступающими русскими войсками, остановилась и заняла сильную позицию на Аладжинских высотах. Наступивший перерыв в боевых действиях продолжался около двух месяцев¹⁵. На военном совете большинство генералов, учитывая приближение зимы, высказалось за то, чтобы отвести войска на зимние квартиры, а овладение Карсом отложить до весны. Против выступил генерал-адъютант Святополк-Мирский и генерал-лейтенант Лазарев, которые настаивали на немедленном овладении крепостью. Их поддержал и главнокомандующий Великий Князь Михаил Николаевич.

29 июня 1877 года полки 40-й дивизии перешли турецкую границу, и 31 июня поступили в состав авангардного отряда генерал-лейтенанта Девеля. Лагерь развернули у деревни Башкадыклар, находящийся от неприятельской позиции в 10 верстах (1 верста = 10670 см). Это было ровное место, откуда можно было видеть всю турецкую позицию: Аладжа, Инах — Тапеси, Большие и Малые Яглы и другие вершины, грозно возвышающиеся над равниной, занятой русскими войсками.

5 августа было получено приказание: «Завтра 6 августа, по распоряжению командира корпуса, предназначено совершить движение вперед с переменной ныне занимаемой авангардом позиции... В начале будет движение вперед с целью рекогносцировки (разведка местности, противника), а затем занятие новой позиции для лагерного расположения».

Кроме этого приказания была отдана такая диспозиция (боевой приказ): «По приведении в исполнение вышеупомянутого приказания к 3½ часам утра войскам выстроиться в следующем порядке: одному батальону Имеретинского полка (1-й батальон майора Левицкого) со стрелковой ротой остаться при вагенбурге (передвижной лагерь), которому перейти на левый берег Мавряк-Чая и расположиться биваком между лазаретами. Пять батальонов 1-й бригады 40-й пехотной дивизии (два Имеретинских и три Кутаисских, 2-я и 4-я батареи 40-й артиллерийской бригады) под начальством командира бригады (генерал-майор Граль) переходят на правый берег Мавряк-ая, против правого фланга лагерного расположения Имеретинского полка и выстраиваются в боевой

¹² Семашкевич Е.Е. 158 пехотный Кутаисский полк... С. 3—4.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ См.: Копылов В. Н. Развитие тактики русской армии. М., 1957. С. 222—224.

порядок... В 6 часов утра все войска движутся одновременно: 1-я бригада 40-й дивизии, обойти правую сторону Кизиль-Тапы и оврага, держать направление к селению Керр-Хана и, подойдя на пушечный выстрел до первой неприятельской позиции, не вдаваясь в бой, остановиться и подробно рассмотреть расположение неприятеля; описание такого расположения возлагается на штабс-капитана Генерального штаба Шатилова, — я буду находиться при колонне генерала Оредса.

Начальник войск авангардного лагеря генерал-лейтенант Девель»¹⁶.

Рекогносцировка проходила под сильным обстрелом турецкой артиллерии, но потерь почти не было. Решено было занять новую позицию на горе Кизиль-Тапа, которая господствовала над лагерем противника.

Вечером 11 августа было получено приказание: «В ночь с 11 на 12 августа, для укрепления горы Кизиль-Тапа, выслать от 157-го Имеретинского полка на работы в ведение подполковника Бульмеринга один батальон»¹⁷. Работа по укреплению позиции на горе проводилась круглосуточно. Смена на проведение работы и несение караула, проводилась попеременно от каждого полка по батальону. Днем, 12 августа Кизиль-Тапу занял 3-й батальон Имеретинского полка, сменив батальон Гурийского полка.

В 7 часов вечера командир батальона майор Миллер отдал распоряжение по охране вверенной ему позиции: «10-й роте занять правую, самую высшую вершину горы и поставить два наблюдательных пикета (секрета): 11-ю роту спустить в ложбину с левой стороны горы; в обязанности этой роты лежит охранение дороги в лагерь; 3-й стрелковой роте, рассыпаться в цепь, занять все пространство перед горою, начиная от цепи 11-й роты до оврага, за которым начинается казачья цепь. В резервы к цепи назначаются первые взвода от 9-й и 12-й рот; остальным шести взводам этих рот остаться на седловине и иметь при себе знамя; эти шесть взводов составляют главные силы»¹⁸.

В половине третьего часа ночи турки, силами до одной бригады, начали наступление на передовой пункт Кизиль-Тапы. Завязалась сильная перестрелка. Стреляли прямо в упор. Дважды бросались в контратаку, штыками отбрасывая противника с горы. Но силы были неравные и командир батальона, не дождавшись подкрепления, спасая остатки батальона и знамя, решил до рассвета отступить в лагерь авангарда. Около шести часов утра, до лагеря добрались только жалкие остатки 3-го батальона. В восемь часов утра все войска отряда были выдвинуты на позиции, навстречу наступающим по всей линии туркам. В десятом часу утра было получено приказание, штурмовать Кизиль-Тапу, во что бы то ни стало. Но штурм не получилось. Турки, так как турки уже установили на Кизиль-Тапу артиллерию и начали сильнейший обстрел гранатами русских позиций. Движение батальона было встречено шквальным ружейным и артиллерийским огнем. Солдаты валились на каждом шагу. Добежав до неприятельской цепи на 600—700 шагов, залегли и открыли огонь из винтовок системы «Крынка», стоящей на вооружении русской пехоты. Вот тут то и сказалась непригодность такого оружия в бою с неприятелем, вооруженным великолепными винтовками системы «Пиподи» и «Мартини». Пули русских не долетали до противника, делая рикошеты. Вторая попытка двинуться вперед привела к еще большим потерям. Командующий отрядом приказал вывезти батальон из-под огня. Отступление стоило русским солдатам еще дорожке. Турки, упоенные успехом, наскокивали на отступающих и стреляли в упор, пользуясь тем, что из-за недостатка патронов им нечем было отстреливаться. Отойдя за высоты перед фронтом Кизиль тапы, батальоны залегли. Турки несколько раз бросались в атаку, но всякий раз отступали с большими потерями. Перестрелка продолжалась целый день. С наступлением сумерек батальоны, под прикрытием темноты, батальоны были отведены к Башкадыклару, а оттуда к Огузлам, войдя в состав Байрахдарского отряда.

19 августа вся дивизия была выдвинута вперед, ближе к противнику, но 20-го была возвращена на старое место. 22 августа вместо генерал-лейтенанта Девеля начальником Байрахтанского авангардного отряда был назначен генерал-лейтенант Лазарев.

28 августа начали формировать охотничьи команды (отряды разведчиков). Из многих желающих попасть в эти команды, выбрали по тридцать человек от каждого полка. Офицеры выбирались по жребию.

В Имеретинском полку начальником команды был выбран подпоручик Лебедев; в Кутаисском — подпоручик Тхоржевский; в Гурийском — прапорщик Кашлаков; в Абхазском — прапорщик Менгден. Подчинялись эти офицеры подпоручику Лебедеву как ротному командиру. Все команды охотников находились в распоряжении начальника дивизии Шатилова. Задача охотников заключалась в том, чтобы каждую ночь производить тревоги в гарнизонах противника, заставлять турок первое время целыми ночами оставаться под ружьем, приучить их пренебрегать такими тревогами; кроме того, изучить местность. За время Аладжинской стоянки разведчиками было совершено не мало подвигов.

К началу октября главные силы русских войск были усилены до 56 тысяч человек с 220 орудиями, против которых турецкое командование с трудом собрало для действий в поле (вне крепости) около 38 тысяч человек с 74 большей частью старыми орудиями. Уже после первой бомбардировки и разведки боем русскими войсками 20—22 сентября Аладжинских высот турецкая армия, потеряв от огня русской артиллерии до 5-ти тысяч человек, стала быстро терять боеспособность. В боях за Аладжинские высоты участвовали и полки 40-й пехотной дивизии.

Планируя нанести главный удар в направлении Карс, Эрзерум, русское командование направило 27 сентября отряд генерала Лазарева в обход фланга и в тыл турецким войскам,

¹⁶ Хроника 157 пехотного Имеретинского полка за 1877—1878 г. Саратов, 1887. С. 11—12.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 16—18.

занимавшим сильно укрепленную гору Авлияр. 3 октября эта позиция была взята с фронта и тыла, а обороняющиеся здесь и восточнее турецкие войска попали в плен.

К 13 октября отрядом генерала Лазарева (32 тысячи человек и 146 орудий) вновь была осаждена крепость Карс, прикрывавшая Эрзерумское направление. Крепость имела десять фортов, расположенных на обрывистых скалах и усиленных ложементами, траншеями и батареями. Блокировав крепость со всех сторон, отрезав к ней все пути, Лазарев предложил коменданту крепости Гусейн-паше сдать крепость без боя, но тот отверг это предложение.

Решено было штурмовать крепость в ночное время. План ночного штурма был разработан с таким расчетом, чтобы демонстративными атаками с северо-запада и северо-востока заставить командование крепости стянуть к этим участкам все резервы, а главную атаку крепости вести с юга и юго-востока на укрепления карсской равнины. Эти укрепления были гораздо слабее, а незначительное удаление их от города позволяло русской артиллерии обстреливать город и цитадель.

В период подготовки к штурму, в последних числах октября, начальником 40-й дивизии генерал-лейтенантом Шатиловым была дана следующая инструкция: «Для овладения крепостью предпринимается обложение ее, затем следует бомбардирование и, если последствием его не окажется сдачи крепости, а только ослабление ее верхов, то производится штурм. В настоящее время мы находимся во второй фазе военных действий против Карса, вслед за которою наступит время штурма укреплений; ввиду этого признаю полезным дать вверенным мне войскам следующие указания для руководства в военных действиях, которые могут выпасть на их долю в подобном случае.

1. При движении к неприятельским укреплениям соблюдается полная тишина. Такие движения делаются преимущественно в ночное время, с целью как можно позже быть замеченным неприятелем. Для этого люди идут все в совокупности, отнюдь не размыкаясь, все командные слова подаются тихо, курить воспрещается.

2. Стрельба в ночное время почти не действительна, а потому бесполезна, и отвечая на выстрелы неприятеля, дашь ему верную цель на огонь. Ночью дозволяется стрелять только в упор. Без разрешения ротного командира стрельбы не открывать. Стреляя — целить в ноги. Стрелять следует наверняка, особенно беречь патроны, так как до утра подвоза их быть не может.

3. Штурмовые колонны стараться провести до укреплений без выстрела. Стрелять в неприятеля, находящегося за укрытиями — бесполезно; можно стрелять, когда он на валу, но и тут лучше сбить штыками, помня, что штурм есть штыковая работа; чем менее люди будут стрелять, тем менее понесут потерь и тем скорее достигнут успеха.

4. Штурм есть общий порыв всех без исключения для овладения тем укреплением, которое будет назначено, а потому дружная поддержка нигде, во время боя, не бывает настолько нужна, как при штурме. Идя вперед, ранеными заниматься не следует, — для этого будут санитары; другое дело, когда идешь назад, тогда и военная честь и долг обязывают подать помощь и не оставлять раненого товарища. Помнить, что во время штурма никто не имеет права оставлять своего места в строю, иначе, как для того, чтобы, устремившись вперед, увлечь за собою других, для скорейшего овладения валом.

5. Овладев укреплением, отнюдь не следует увлекаться преследованием, а стараться, прежде всего, сделать его крепким местом для себя и обратить орудия против других неприятельских укреплений. Иметь в виду, особенно, что преследование неприятеля по скату горы к реке или цитадели и города, было бы самою грубою ошибкою.

6. Почетное звание воина имеет назначением сражаться с врагом за своего Государя и родину; желание личной наживы от неприятеля, последствием чего бывает грабеж и мародерство, строжайше запрещается военными законами и составляет для солдата позор. Кроме того, следует помнить, что весьма часто мародерство, которому предавались части, влекло к гибели ее и к посрамлению. Грабеж и мародерство дают время неприятелю опомниться, собраться и выбить неприятеля из укреплений.

7. Ранние крики «Ура!» только заранее открывают вас неприятелю, ободряют его и дадут время приготовиться. Дружное «Ура!» на валу укрепления, когда станешь поражать врага. Настоящая инструкция должна быть сообщена командирам полков, батальонов и ротным командирам, — последних прошу вдуматься в нее и ознакомить с нею всех без исключения своих подчиненных; — для успеха дела каждый должен знать, — что и как должен он выполнять.

Начальник 40-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Шатилов»¹⁹.

Общим же основанием штурма служили следующие указания, данные главнокомандующим Кавказской армией.

«1. Войска, блокирующие Карс, имеют овладеть фортами Савари, Канлы и Хафиз-паша.

2. Нападение должно быть сделано внезапно, стараясь забрать в плен или истребить гарнизон этих фортов и захватить находящиеся там орудия.

3. Одновременно с атакою на эти форты, демонстрировать против других пунктов оборонительной линии неприятеля, дабы отвлечь внимание и силы его от действительного направления атаки.

4. Демонстрации эти допускаются обратить в решительные действия, пользуясь оплошностью неприятеля, или иными благоприятными обстоятельствами, но не иначе, как малыми командами, в виде попыток, во избежание потерь.

5. Такие же попытки могут быть произведены и войсками, ведущими главную атаку, по выполнении ее. Целью их указывается преимущественно укрепление Чим и занятие городской ограды. При совершенно исключительных условиях, как, например — полная паника неприятеля,

¹⁹ Хроника 157 пехотного имеретинского полка. С. 68—71.

дозволяется подобное предприятие и против Карадага, не упуская из виду всей трудности и умения в его выполнении.

6. По овладении Сувари, Канлы и Хафизом, войска немедленно принимают меры крепко в них утвердиться, и только, если бы оказалось совершенно невозможным утвердиться там, оставить их, забравши с собою пленных и трофеи и испортить, на сколько возможно, все местные средства обороны»²⁰.

На основании этих указаний все войска Карского отряда были распределены на семь колонн.

Согласно диспозиции штурма, колонна генерала Комарова (6 батальонов и 16 орудий) частью сил демонстрировать атаку против форта Тахмас, а главными силами пройти армянское предместье и овладеть с тыла укреплением Чим; колонне подполковника князя Меликова (3 батальона) следовать правым берегом реки Карс-чая, взять с тыла укрепление Сувари, а по занятии его перейти на левый берег и с колонной Комарова штурмовать укрепление Чим; колоннам генерала Граббе (5 батальонов и 8 орудий) и полковника Вождакина (5 батальонов и 8 орудий), в этой колонне состояли и батальоны 157-го Имеретинского полка, овладеть укреплением Канлы; колонне генерала Алхазова (5,5 батальона, 8 орудий) овладеть укреплением Хафиз. В колонну Алхазова входили и батальоны 158-го Кутаисского полка. Остальные войска получили назначение: колонне полковника Черемисова (3,5 батальона и 28 орудий) демонстрировать атаки против укреплений Широких высот, а колонне генерала Рыздзевского (5 батальонов и 24 орудия) против укреплений Карадагских высот. В эту колонну входили батальоны 160-го Абхазского полка²¹.

В период подготовки штурма крепости были широко использованы результаты ночных действий охотников и частные ночные атаки против отдельных батарей и фортов противника. В совершенстве были изучены подступы ко всем участкам турецких позиций. По выражению генерала Лазарева они «гуляли по турецкой позиции, как у себя дома».

Непрерывные ночные действия русских войск ввели турок в заблуждение относительно истинного времени общего штурма. Положение войск осадивших Карс, становилось очень тяжелым. Это хорошо видно из записей в дневнике командира 3-го батальона 157 Имеретинского полка майора Миллера: «29 октября. Перед утром вышли в траншеи; ночь темная, все небо покрыто тучами; вскоре пошел сильный дождь и подул сильный ветер. Пролежали целые сутки в грязи. В четыре часа завязалась ружейная перестрелка. К утру дождь перестал и ударил сильный мороз. 30 октября. Бомбардировка усилилась. Турки стреляют в лагерь. Гранаты большей частью перелетают через палатки. Слышна ружейная перестрелка на левом фланге, вероятно, отступают охотники. Мороз. 31 октября. Всю ночь и весь день сильная бомбардировка. Гранаты беспрестанно летят через лагерь. Приехал генерал Лазарев и разбил свою ставку в нашем полку. 1 ноября. В пять часов утра батальон вышел в траншеи. Дождь попеременно со снегом целый день. В час дня приехал корпусной командир Лорис-Меликов.

В 2 часа ночи решено идти на штурм. К вечеру ударил мороз и обледенел почва до того, что даже по ровному месту ходить трудно, не только лезть на крутые возвышенности. Штурм поэтому отложен. 2 ноября. Целую ночь и все утро снег с дождем. В 6 часов утра батальон сменился из траншей. На левом фланге ружейная перестрелка. Бомбардировка по-прежнему. 3 ноября. Батальон назначен дежурною частью, 3-я стрелковая рота ходила ночью на работы к батареям. Полушубков нет, и люди сильно страдают от холода. У всех кашель. К вечеру бомбардировка усилилась. Ночью сильный мороз. Люди не спят и стараются согреться движением, не обращая внимания на летящие гранаты и осколки. 4 ноября. В 5 часов утра батальон вышел в траншеи. Утром мороз в 12 градусов. Огонь с фортов преимущественно направлен по ту сторону Карса. В 12 часов оттепель опять распустила жидкую грязь. Право уже не знаешь что лучше в нашем положении: мороз или грязь. В 8 часов бомбардировка прекратилась»²².

Как видно из записей, первоначально штурм Карса был назначен на 2 ноября, но из-за дождя, гололеда и сильного тумана был отложен до наступления холодной ночи, когда окрепнет почва, кроме того, было признано более удобным, избрать лунную ночь. Окончательно затем штурм был назначен в ночь на 6 ноября 1877 года.

Еще в период подготовки к штурму, особо отличились в ночном бою два батальона Кутаисского полка. 24 октября генерал Алхазов приказал полковнику Фадееву с двумя батальонами оттеснить турок построивших впереди форта Хафиз полевую батарею, и занять место для постановки русских осадных батарей. Ведя наступление, батальоны кутаисцев, во главе с командиром полка Фадеевым, вечером, уже в сумерках, подошли к Хафизу. Пользуясь темнотой, Фадеев решил штурмовать форт. Подъехав к ротам 2-го батальона, он со словами: «Братцы, слава кутаисцев на этих валах, надо сорвать ее! Прибавь шагу», повел их вперед. Роты в полном молчании, почти бегом двинулись на штурм. По пути они наткнулись на фугасы, взрывы которых привлекли на штурмующих огонь орудий форта. Не обращая внимания на потери, кутаисцы во главе со своим командиром, спустились в ров, с большими усилиями забравшись на высокий бруствер, ворвались в ров, а три роты 1-го батальона проникли даже в город. Четыре атаки подошедших к форту турецких резервов были отбиты кутаисцами. Однако, не рассчитывая на поддержку и опасаясь обнаружить туркам, слабость своих сил, Фадеев решил отступить до рассвета и, дождавшись возвращения рот 1-го батальона из города, двинулся обратно через бруствер. В этом бою кутаисцы потеряли 50 человек. Трофеями их были 7 пленных офицеров и 75 нижних чинов, 7 орудийных замков и 1 штандарт²³.

Эта вылазка еще раз показала возможность нападения на турок врасплох и слабую действительность огня, что вселило во всех уверенность в возможности ночного штурма.

²⁰ Хроника 157 пехотного Имеретинского полка за 1877—1878 гг. Саратов, 1887. С. 68—71.

²¹ См.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 13. С. 419.

²² Хроника 157 пехотного Имеретинского полка за 1877—1878 гг. Саратов, 1887. С. 66—67.

²³ См.: Сборник военных рассказов. СПб., 1879. С. 241.

Ночной штурм крепости начался в ночь с 5 на 6 ноября сразу всеми колоннами с разных сторон, что распыляло силы турецких войск. Почти половина войск атаковали наиболее важные четыре форта — Чим, Сувари, Канлы и Хафиз. Во время штурма 2 и 3-й батальоны Кутаисского полка под командой полковника Фадеева, выбили турок из траншей, соединявших форты Хафиз и Карадаг и на плечах неприятеля ворвались в последний, взяв его после упорного штыкового боя. При движении рот к Карадагу ими были захвачены и заклепаны две неприятельские батареи. 1-й батальон полка, находившийся в начале штурма в резерве, был направлен на помощь колонне майора Урбанского и своим энергичным наступлением увлек вперед находившиеся близ Хафиза части, с которыми вместе ворвались в укрепление Файзи-паша. После падения Карадага, турки бежали в Араб-табия. Сосредоточив на потерянном Карадаге огонь с Араб-табия и Мухлиса, турки несколько раз пытались выбить кутаисцев, но все шесть контратак были отбиты²⁴.

В это время, батальоны 160-го Абхазского полка, находясь в составе штурмовой колонны генерала Рыздзевского предназначенной для действий против фортов Карадаг и Араб, полк получил особую задачу: одним батальоном атаковать находившийся за этими фортами турецкий лагерь, другим ударить в тыл форта Араба, а третьим поддержать штурм. Когда колонна, имея в голове абхазцев, незаметно приблизилась к лагерю, батальон перескочил траншею и бросился на турок в штыковую атаку. Этот штыковой бой привлек внимание защитников форта, поэтому другому батальону пришлось атаковать его в лоб. Спустившись в ров, абхазцы по приставным лестницам быстро забрались на вал, и после ожесточенного боя заставили защитников гарнизона Араба бежать, а оставшихся взяли в плен. Благодаря ночной атаке, потери в полку были незначительные: убито 14 нижних чинов, ранено и контужено 7 офицеров и 82 нижних чина. При этом штурме солдаты и офицеры совершили целый ряд подвигов, из которых особенно отличились: полковой священник Михайлов Федор, шедший с крестом в руках во время штурма, как и в других боях, впереди, причем крест дважды был выбит из рук пулями и епархиаль его в двух местах прострелена; подвиг капитана Моисеева, командовавшего батальоном, штурмовавшим в лоб форт Араб; нападение барабанщика Демина с двумя рядовыми на толпу турок, из числа которых 8 человек было убито, а остальные обращены в бегство²⁵.

При взятии форта Араб отличился и сводный отряд охотников под командой саратовца, подпоручика 158-го Кутаисского полка Тхоржеевского, который скрытно пробрался к укрытию, ворвался туда и штыками выбил турок.

В это время с южной стороны Карса, назначенные для штурма укрепления Канлы колонны генерал-майора Граббе и полковника Вождякина направились от селения В Караджарана: первая на правый фланг укрепления, а вторая — на левый. Канлы состояло из 2-х передовых редутов и центрального люнета (открытое полевое укрепление), замкнутого с горжи (тыльная замыкающая сторона укрепления) оборонительной каменной казармой с придаточной пристройкой бастионного назначения. Колонна полковника Вождякина (в ней находился и 157 Имеретинский полк) сбилась с пути и не пришла к Канлы своевременно, а между тем генерал Граббе овладевший передовым редутом, взял правую сторону люнета, но дальше продвинуться не смог, попав под сильный двухъярусный огонь из оборонительной казармы, обстреливавшей всю внутренность люнета; попытки взять казарму открытой силой привела лишь к большим потерям, а сам Граббе был убит, после чего его колонна залегла за правым бруствером монета. Тем временем колонна Вождякина сначала шла за правильно державшими направление своими охотниками под командой подпоручика Имеретинского полка Полочанинова, но потом в темноте потеряла их из виду, взяла далеко вправо и вместо Канлы очутилась под батареей Файзи-паши; охотники же подошли к Канлам, быстро овладели его левым передовым редутом и, преследуя гарнизон, ворвались в центральный люнет, но удержаться в нем не смогли и залегли за его левым бруствером, ожидая своей колонны. Последняя, попав под огонь батареи Файзи-паша, потеряла контуженным полковника Вождякина. Командование перешло к полковнику 157-го Имеретинского полка Карасеву, который с двумя батальонами имеретинцев атаковал батарею и овладел расположенным за ней турецким лагерем. Во время этой атаки, рядовой 8-й роты Василий Зонов отбил у турок трех бунчужное Карское знамя, отправленное впоследствии под Плевну к императору с курьером, везшим вести о взятии Карса²⁶.

Однако этот успех отвлек полковника Карасева от главной цели — укрепления Канлы, к которому он повел колонну лишь после получения известий от охотников, занявших левый бруствер люнета этого укрепления. Но, батальоны его были уже расстроены, и овладеть укреплением не мог. Карасев запросил у генерала Лазарева резервов, без которых ему и колонне Граббе не удержаться. Лазарев приказал обходиться своими силами. Бой за Канлы принял затяжной характер. Канлы турки упорно обороняли и отвечали отказом на предложение сдаться. К рассвету, все укрепления по правому берегу реки Карс-чая кроме Канлы оказались в руках русских войск. В это время к Канлы прибыл генерал Лазарев, а за ним стали подходить подкрепления, которые и сломили упорную оборону коменданта Канлы Давута-паши.

Тем временем русские войска уже ворвались в город с разных сторон; комендант Гусейн-паша, узнав о падении Карадага, счел дело проигранным и с сотней баши-базуков бежал по дороге на Ольты. Цитадель открыла свои ворота, и гарнизон ее сдался в плен. Собравшиеся на Широких высотах турецкие войска двинулась с рассветом толпою по дороге на Аравартан, но русская кавалерия преградила им путь. После этого стали сдаваться и незанятые русскими войсками укрепления левого берега реки Карс-чая.

В 157 Имеретинском полку потери сравнительно с ожесточенным боем, длившемся в течение целой ночи были незначительны. Всего убитых, раненых и пропавших без вести было: 4 обер-

²⁴ См.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 13. С. 420.

²⁵ См.: Там же. Т. 1. С. 41.

²⁶ См.: Хроника 157 пехотного Имеретинского полка за 1877—1878 гг. Саратов, 1887. С. 81.

офицера, 22 унтер-офицера, 5 музыкантов, 148 рядовых. Итого — 179 человек. Особенно отличились при штурме Карса: полковник Карасев, дравшийся, как простой солдат, капитаны Малишевский и Белецкий, подпоручики Полочанинов и Подольский. Из нижних чинов особенной храбростью отличились: фельдфебель Савинов, фельдфебель Логвинов, рядовой Зонин и вольноопределяющийся Павлов и Шуравин²⁷.

Итогом победы под Карсом были 17 тысяч пленных (в том числе 5 пашей и до 800 офицеров), 303 орудия и огромные склады запасов. Русские войска потеряли убитыми 1 генерала, 17 офицеров и 470 нижних чинов, ранеными 1 генерала, 58 офицеров и 1726 нижних чинов. Но на этом испытания русских войск не окончились. Как вспоминали участники боев «взяв Карс, мы решили, что труды наши окончены на всю зиму; никто не думал, чтобы нашей дивизии пришлось идти под Эрзерум. Все надеялись, что Эрзерум не нынче завтра или будет взят штурмом войсками, стоявшими под его стенами или сдаться сам»²⁸.

По решению командования, 40-я пехотная дивизия была направлена на помощь осаждавшим крепость Эрзерум. Поход предстоял через перевал Саганлугского хребта. Внешний вид войск, для такого похода, оставлял желать лучшего. Обмундирование оборванное и потрепанное. Многим солдатам выдали теплые полушубки, а кому не досталось, снимали с убитых турок. Но обувь у большинства пришла в негодность; многие ходили буквально без подошв, подвязывая к голенищам чевяки, тряпки и т.д. Офицеров тоже узнать было нельзя; сюртуки, мундиры — оборваны, обтрепаны; вместо верхней одежды—полушубки, тулупы, чуйки, архалуки, бурки. 25 ноября дивизия оставила лагерь и потянулась по дороге в Эрзерум.

На третий день похода дивизия пришла в осетинский аул Саракамыш, откуда и начинался перевал через Саганлугский хребет. Горы и ущелья покрылись уже глубоким снегом. Войска прямо из царства осени попали в объятия суровой зимы. Впереди шли саперы, расчищая путь. Сплошной подъем в десять—двенадцать верст, извивающийся то по ущелью, то по скатам гор, то по карнизу, высеченному в скале, был очень труден. Еще труднее было с обозом. Лошади уже на первой версте встали. Пришлось выделять рабочие команды, которые почти на руках двигали повозки. Только к вечеру, когда стало смеркаться, батальоны перевалили через главный хребет. Утром артиллерии приказано было возвращаться в Карс по причине непроходимости дорог и недостатка фуража. А батальоны пошли вперед. О том какие трудности испытали войска в этом походе, обратимся к воспоминаниям участников этих событий. «Много пришлось вытерпеть! И на снегу спали, и голодали по неделям и больных класть было некуда.... Для борьбы необходимы средства, а доставлять эти средства в достаточном количестве по непроходимым дорогам, или, вернее через ужасные горы, вовсе не имеющих дорог, было делом невозможным физически. Пути сообщения, то есть горные тропинки расчищались ежедневно командами, квартировавшими по попутным аулам, но это мало приносило пользы; только расчистят снег, проработав целый день, как поднимается метель и через десять минут от дороги и следа не остается, а для того чтобы «замело» — было достаточно самого легкого дуновения ветерка, так как сухой горный снег пересыпался как песок.

Для поддержания здоровья войск делалось все, что только было возможно: раздавались полушубки, улучшалась пища, выдавался спирт и чай, но всего этого при трудах зимней войны было слишком недостаточно. Все начальники, начиная с офицеров и кончая генералами, неустанно, не щадя себя, заботились о вверенных им солдатах. Но гибли солдаты! Гибли, как трава под рукой косаря. Массами уносил их страшный тиф, свирепствующий за Саганлугом, во всех своих видах. Сотнями умирали солдаты, десятками офицеры и генералы.

Редкий избег этой повальной эпидемии. Доходило до того, что ухаживать за больными было некому: сегодня пришлют команду прислуги, а через сутки она вся сама валяется в бреду.

Подвоз провианта и войлочных кибиток, в которых чувствовалась настоящая необходимость, совершалась на верблюдах и вьючных лошадях. Масса этих животных падала по дороге от безмерной работы, от бескормицы, от холодов. Понятно, что мы, новички в военном деле, и не воображали ничего подобного, когда собирались под Эрзерум»²⁹.

В итоге, полкам 40-й дивизии не пришлось участвовать в боевых действиях под Эрзерумом, зато переход через Саганлугский хребет стоил ей огромных жертв.

22 января 1878 года было объявлено перемирие, а 2 марта полки вошли в Эрзерум и разместились в казармах. Больных, разбросанных по разным аулам, начали перевозить в Эрзерум и размещать по турецким госпиталям.

Первой заботой командиров, по вступлении в город было по возможности исправить обувь и верхнюю одежду нижних чинов. У большинства солдат до того обтрепалось обмундирование, что вместо рубах, на плечах болтались какие-то лохмотья. 2 апреля части выступили обратно в Карс, а до этого дня несли караульную службу и готовились в обратный путь.

В Карсе дивизии пришло распоряжение остановиться и ждать укомплектования. Лагерь всей дивизии расположился в окрестностях Карса у селения Чифтлик правым флангом к реке Карс-чаю.

В лагере пришлось жить несколько месяцев, в течение которых 40-ю дивизию неоднократно посещал генерал Лазарев. Он говорил, что это его любимая дивизия. Перед отправкой на родину, был издан приказ по Карскому отряду от 16 сентября 1878 года за № 190, в котором командующий отряда генерал Лазарев обращался к личному составу 40-й пехотной дивизии.

«Полки 40-й пехотной дивизии! Война окончена, тяжелое время пережито, вы возвращаетесь на Родину. Расставаясь с вами, мне становится тяжело; как будто я прощаюсь с горячо любимыми детьми.

²⁷ См.: Хроника 157 пехотного Имеретинского полка за 1877—1878 г. Саратов, 1887. С. 87.

²⁸ Там же. С. 89.

²⁹ Хроника 157 пехотного Имеретинского полка за 1877—1878 г. Саратов, 1887. С. 90—91.

Ваши героические подвиги, ваше мужество и храбрость, ваша беззаветная покорность судьбе при тяжелых испытаниях заслуживает удивления и будет лучшим воспоминанием моим до гробовой доски.

Не мне благодарить за службу героев, изумивших мир своими подвигами и завоевавшими себе неувядаемую славу беспримерным штурмом Карса и других делах, — я только скажу вам, что буду считать себя вполне счастливым, если мои родные дети будут так служить Царю и Отечеству. Прощайте, с Богом в путь! Генерал-лейтенант Лазарев»³⁰.

По дороге к Тифлису Его Императорское Высочество Михаил Николаевич встречал в разных пунктах эшелоны дивизии, еще раз благодарил за службу и на прощание раздавал каждому батальону по 5 знаков отличия военного ордена.

В начале октября полки дивизии вступили в город Харьков, жители которого торжественно встретили их. Но, из всей массы, составлявшей дивизию, вряд ли пятая часть была людей действительно бывших в сражениях, остальные были все молодежь, прибывшая на пополнение уже по заключении мира.

Из Харькова, к месту дислокации, эшелоны отправились в апреле 1879 года и 22 числа полки 40-й дивизии и 40-й артиллерийской бригады вступили в город Саратов. Жители Саратова и городское начальство также торжественно встретили героев Карса. Действительно, большинство нижних чинов, участвовавших в сражениях, были отмечены знаками отличия военного ордена. А такие как фельдфебель Савин Захар и рядовой Зонов Василий от командующего войсками получили знаки отличия 1 степени, минуя предыдущие степени. Бывший разведчик Имеретинского полка поручик Полочанинов награжден орденом Святого Георгия 4 степени. Кавалерами ордена Святого Георгия 4 степени стали и саратовцы Кутаисского полка поручик Тхоржеевский и поручик Зыков. А командир этого полка полковник Фадеев был награжден сразу орденом Святого Георгия 3 степени³¹.

Начальник 40-й дивизии генерал-лейтенант Шатилов был награжден Золотым оружием с алмазами.

В феврале 1881 года, полкам 40-й дивизии были высочайше пожалованы Георгиевские знамена и знаки отличия на головные уборы³².

157 пехотный Имеретинский полк получил Георгиевское знамя с надписью: «За взятие Карса 6 ноября 1877 года», нагрудные знаки для офицеров и на головные уборы для нижних чинов с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877—1878 годов».

158 пехотный Кутаисский полк получил Георгиевское знамя с надписью: «За штурм Хафиз-Паша-Табия 24 октября и взятие Карса 6 ноября 1877 года» и нагрудные знаки для офицеров и на головные уборы для нижних чинов с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877—1878 годов».

159 пехотный Гурийский полк получил Георгиевское знамя с надписью: «За взятие Карса 6 ноября 1877 года», нагрудные знаки для офицеров и на головные уборы для нижних чинов с надписью: в 1-м батальоне — «За Кавказскую войну и за отличие в Турецкую войну 1877—1878 годов», а во 2, 3 и 4 батальонах — «За Турецкую войну 1877—1878 годах».

160 пехотный Абхазский полк получил Георгиевское знамя и знаки отличия для офицеров нагрудные, а для нижних чинов на головные уборы с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877—1878 годах», а в 1-м батальоне — с присоединением к последней надписи присвоенной бывшему батальону Кабардинского полка — «За отличие в 1814 году».

В 1892 году 40-ю пехотную дивизию передислоцировали в Виленский военный округ, в Минскую губернию.

³⁰ Семашкевич Е.Е. 158 пехотный Кутаисский полк в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Саратов, 1883. С. 106.

³¹ См.: Хроника 157 пехотного Имеретинского полка за 1877—1878 гг. Саратов, 1887. С. 112—115.

³² См.: Саратовский край. Саратов, 1893. Выпуск № 1. С. 95.